

ЖИЛЬ ДЕЛЁЗ

Четыре тезиса о психоанализе¹

Позвольте мне представить только четыре тезиса, касающиеся психоанализа.

Первый тезис: каким образом *психоанализ препятствует производству желаний*. Психоанализ неотделим от присущей ему политической опасности, отличной от опасностей, таящихся в старой психиатрической клинике. Последняя представляет собой место заточения. Психоанализ же, напротив, функционирует в свободной атмосфере. Психоанализ в какой-то мере занимает положение торговца в феодальном обществе в его марксовской трактовке, функционируя в свободных порах общества, не только на уровне частного кабинета, но и на уровне школ, учреждений, административного деления и т.д. Это функционирование ставит нас в особенную ситуацию по отношению к психоаналитическому предприятию. Дело в том, что психоанализ много говорит нам о бессознательном, но в некоторой степени для того, чтобы постоянно его редуцировать, разрушать, ему препятствовать. Бессознательное понимается как контрсознание, негатив, паразитирование сознания. Это враг. «Wo es war, soll ich werden»². Сколько ни переводи: «Где было оно, там [в качестве субъекта] должно стать я», — это ничего не меняет, включая «soll», это странное «должно в моральном смысле». То, что психоанализ называет производством или образованием бессознательного, есть не что иное, как неудачи, дурацкие конфликты, идиотские компромиссы или грубая игра слов. В случае же удачи — это сублимация, десексуализация, мышление, но только не желание, этот враг, прячущийся в глубине бессознательного. Желаний всегда слишком много: полиморфный извращенец³. Вас научат Нехватке, Культуре и Закону, другими словами, редукции и упразднению желания.

¹ Deleuze Gilles, Guattari Félix. *Politique et psychanalyse*. — Alençon: Des mots perdus, 1977. P. 43–58.

² «Где было оно, должно стать я» (нем.). — Прим перев.

³ Знаменитая характеристика ребенка, данная Фрейдом. — Прим перев.

Речь идет не о теории, а о знаменитом искусстве практики психоанализа — искусстве интерпретировать. Интерпретировать, заставлять регрессировать, регрессировать. Среди самых гротескных страниц, написанных Фрейдом, есть страницы, посвященные *fellatio*: как пенис соответствует коровьему вымени, а коровье вымя — материнской груди. Иначе говоря, *fellatio* — это когда у нас под рукой нет коровы или хотя бы матери, или у нее уже нет молока. Всё, чтобы показать, что *fellatio* не является «настоящим желанием», а хочет сказать что-то другое, прячет что-то иное, скрывает другое желание. Дело в том, что психоанализ располагает совершенным в этом отношении подходом: согласно ему, настоящими содержаниями желаниями являются частичные детские влечения; настоящим выражением желания был бы Эдип (чтобы структурировать «целое»). Как только желание *устраивает* что-то, во взаимосвязи с Внешним, со Становлением, устройство разбивают, показывают, что оно отсылает, с одной стороны, к частичному механизму ребенка, с другой — ко всей структуре Эдипа. Таким образом, *fellatio* — это оральное влечение к сосанию груди плюс структурная эдипальная акциденция. То же справедливо и для гомосексуальности, зоофилии, мазохизма, вуайеризма, даже для мастурбации: вам не стыдно делать детей таким образом? А вам — так использовать Эдипа? До психоанализа говорили об отвратительной старческой мании, затем — об извращенной инфантильной активности. Что одно и то же. И там и здесь всё время пытаются различить настоящие и ложные желания, сломать машинные устройства желаний.

Мы же говорим, наоборот: у вас нет бессознательного, никогда не бывает, это никакое не «было», на месте которого должно «стать» Я. Нужно перевернуть формулу Фрейда. Вы *должны* произвести бессознательное, производите его, иначе останетесь с вашими симптомами, вашим «я» и вашим психоаналитиком. Каждый трудится и производит из похищенного кусочка плаценты, который не перестает быть ему современным, как среда для экспериментирования, а не в функции яйца, родителей, интерпретаций и регрессий, связывающих нас с ними. Творите бессознательное, а это не так просто, это делается не где попало, не из ляпсусов или острот и даже не из снов. Бессознательное — это субстанция, которую нужно изготовить, поместить, сделать текучей, это социальное и политическое пространство, которое нужно завоевать. Революция была прекрасным производством бессознательного, каких бывает не так уж много, и тут не при чем ляпсусы или ошибочные действия. Бессознательное — это не субъект, который производил бы отпрысков в сознании, а объект производства, именно оно должно быть произведено, если этому не помешают. Или скорее субъекта желания не существует, как, впрочем, и объекта. Только потоки суть объективность самого желания. Желания никогда не бывает слишком. Желание — это система не-значащих знаков, отталкиваясь от которых производятся бессознательные потоки в историко-социаль-

ном поле. Не бывает такого рождения желания (где бы оно ни случилось, в маленькой семье или в средней школе), которое не сотрясло бы аппарат и не поставило бы под вопрос социальное поле. Желание революционно, потому что оно всегда хочет еще больше связей. Психоанализ обрезает и откидывает назад все связи, все устройства, это его призвание, оно ненавидит желание, ненавидит политику. Производство бессознательного = выражение желаний = образование высказываний = субстанция или материя интенсивностей.

Второй тезис касается, таким образом, того образа действия, каким психоанализ мешает образованию высказываний. Ибо одним и тем же является машинное устройство желания и коллективное устройство процесса производства высказывания в производстве бессознательного. Именно в их содержании устройства населяются становлениями и интенсивностями, напряженными круговоротами, множественностями различной природы (стаи, массы, виды, расы, популяции). И именно в своем выражении они умело пользуются неопределенностями, не являющимися, однако, индетерминированными (некие животы, какой-то один глаз, какой-то ребенок...), инфинитивами, которые, конечно же, являются не неопределенностями или неразличностями, а процессами (ходить, сношаться, испражняться, убивать, любить...), именами собственными, которые при этом никак не суть люди (это могут быть группы, животные, понятия, единичности, всё, что пишется с заглавной буквы). НЕКИЙ ГАНС СТАНОВИТСЯ ЛОШАДЬЮ. Повсюду знак (высказывание) коннотирует множественности (желание) или регулирует потоки. Коллективное машинное устройство является материальным производством в не меньшей мере, чем явной причиной высказываний. То(т), чьим содержанием является желание, выражается как ОН(О) [IL], «он(о)» [il] события, неопределенность имени собственного. Это(т) «он(о)» составляет семиотическую артикуляцию выразительных цепочек, чьи интенсивные содержания относительно меньше всего формализованы: в этом смысле Гваттари показывает, что *он(о)* не представляет какого-то субъекта, а переводит устройство в диаграмму, не сверхкодирует высказывания, а, наоборот, удерживает их от попадания под тиранию семиологических (так называемых означающих) совокупностей.

Однако помешать образованию высказываний так же просто, как и производству желания. Достаточно разрезать ОН(О) надвое, чтобы извлечь из него *субъекта производства высказывания*, который будет сверхкодировать и трансцендировать высказывания, а с другой стороны, низвести *субъекта высказывания* до какого-нибудь заменяемого личного местоимения. Потоки желания попадают под власть империалистической системы означающего; они низводятся в мир ментальной репрезентации, где интенсивности ослабевают, а соединения разрушаются. Из фиктивного субъекта производства высказывания сделали абсолютное Я, причину высказываний, чей относительный субъект

может быть, как я, ты и он в качестве личных местоимений, вписываемых в иерархию и стратификацию доминирующей реальности. Никак не связанные с именем собственным личные местоимения отменяют его в функции капиталистического обмена. Знаете ли вы, что нужно делать, чтобы помешать кому бы то ни было говорить от своего имени? Заставить его сказать «я». Чем больше процесс производства высказывания имеет в качестве своей видимой причины субъекта, чьи высказывания сами отсылают к субъектам, зависящим от первого, чем больше установка желания разбивается, чем больше распадаются условия образования высказываний, — тем больше субъект процесса производства высказывания довольствуется превращением в послушный и тусклый субъект высказываний. Мы не скажем, что подобный прием свойствен только психоанализу: в сущности он принадлежит так называемому государственному аппарату (идентичность законодателя и субъекта). Теоретически он сливается с долгой историей *Cogito*. Но «терапевтически» психоанализ смог применить его особенным образом: мы думаем не о «топике», а скорее об операции, посредством которой пациент рассматривается как субъект производства высказывания по отношению к психоаналитику и к психоаналитической интерпретации — это ты, Пациент, — настоящий *психоанализирующий!* — в то время как с ним обращаются как с субъектом высказывания в его желаниях и делах, подлежащих интерпретации, пока субъект производства высказывания не удовлетворится своей ролью субъекта высказывания, отказавшегося от всего: от всего, что у него было сказать и желать. Среди прочего такую ситуацию можно наблюдать в IMP⁴, где ребенок оказывается расколотым, с одной стороны, на деятельность, где он является субъектом высказывания, и, с другой, на психотерапию, где его возводят до состояния субъекта производства символического высказывания, чтобы тем скорее вернуться к готовым высказываниям, которые ему навязывают и которых от него ожидают. Святая кастрация, которая есть не что иное, как разрыв «оно», продленный вплоть до знаменитого раскола субъекта.

Те, кто идет на психоанализ, убеждены, будто говорят, и соглашаются платить за это убеждение. На самом деле, говорить здесь нет ни малейшей возможности. *Весь психоанализ сделан для того, чтобы не дать людям говорить и отнять у них все условия для процесса производства настоящего высказывания.* Можно на трех примерах показать, как детям мешают говорить и как им не дают никакого шанса решить их проблему. Так было у человека с волками, с маленьким Гансом, но, наверное, еще хуже Фрейда — случай с детьми Мелани Кляйн. У детей намного ярче видно, как им мешали производить свои собственные высказывания. Пси-

⁴ Image-Marking Procedure, модная в середине 70-х годов терапия анорексии и сходных патологий, разработанная Ф. Аскевольдом, основанная на формировании у больного «правильного» образа своего тела. — *Прим перев.*

хоанализ действует таким образом: он исходит из готовых коллективных высказываний, типа Эдипа, и претендует на раскрытие причины этих высказываний в персональном субъекте производства высказывания, самим психоанализом и созданным. Мы с самого начала в ловушке. А нужно было бы сделать наоборот, и именно в этом задача шизоанализа: исходить из чьих-либо персональных высказываний и раскрыть их настоящее производство, которое никогда не является субъектом, но всегда машинными устройствами желания, коллективными устройствами производства высказывания, пересекающими его и циркулирующими в нем, то углубляющимися здесь, то стопорящимися там, всегда в виде множественностей, стай, масс единиц разного порядка, неотступно преследующих и населяющих его (ничего общего с технологическим или социологическим подходом). Не существует субъекта производства высказывания, есть только устройства, производящие высказывания. О да, когда мы с Гваттари попытались критиковать Эдипа, нас заставили сказать и нам наговорили массу глупостей: но погодите, Эдип — это не просто папа-мама, это — символическое или означающее, это признак нашей конечности, эта нехватка бытия, которая и есть жизнь... Но, помимо этого, речь ведь не идет о том, что психоаналитики говорят в теории; прекрасно видно, что они делают на практике и как низко они используют Эдипа (поскольку по-другому и невозможно). Особенно невозможно сказать тем, кто считает себя хозяевами означающего, ни «устье Роны», чтобы тебе не напомнили о рте матери, ни «groupe hurru», чтобы тебя не поправили: «gros pipi»⁵. Структуралистская или нет персонология заменяет все устройства желания. Нам не грозит узнать, до какой степени желание ребенка, его сексуальность далеки от Эдипа, посмотрите на маленького Ганса. Психоанализ — это убийство душ. Нас анализируют десять лет, сто лет, и чем дальше, тем меньше возможности говорить нам дается. Для того это и сделано.

Но нас торопит счет. Третий тезис должен показать, каким образом психоанализ добивается этого эффекта: раздавливания высказывания, разрушения желания. Дело в том, что у него имеется двойная машина: прежде всего *машина интерпретации*, делающая так, что всё, что пациент может сказать, уже переведено на другой язык, всё, что он говорит, должно означать что-то другое. Это что-то вроде параноидального режима, где каждый знак отсылает к знаку в неограниченной сети, по кругу и в постоянной экспансии: знак, построенный как означающее, отсылает к означаемому (истерический больной создан для того, чтобы обеспечить это возвращение или это эхо, питающее до бесконечности дискурс психоанализа). А затем в то же самое время *машина субъективации*, представляющая другой знаковый режим: на этот раз означающее больше не рассматривается по отношению к некоему означаемому, но по отношению к субъекту. Точка означивания стала точкой субъек-

⁵ Соответственно: «группа хиппи» и «много написать». — Прим перев.

тивации: самим психоаналитиком. И начиная с этой точки вместо распространения знаков, отсылающих друг к другу, знак или блок знаков начинает убегать по собственной линии, составляющей субъект производства высказывания, сводящийся затем к субъекту высказывания, — и навязчивый невроз вроде и оказывается тем процессом, в ходе которого субъект высказывания всё время остается субъектом производства высказывания. Но дело не только в сосуществовании этих двух машин или этих двух режимов — интерпретации и субъективации.

Интерпретационные режимы известны во всех деспотических системах со взаимодополняемостью императора-параноика и великого интерпретатора. Режимы субъективации приводят в движение весь капитализм, как на уровне экономики, так и на уровне политики. Оригинальность психоанализа состоит в своеобразном проникновении двух систем или, как мы это назвали, в «объективации Оно» и «автономии принципиально субъективного опыта». Именно эти две машины рука об руку препятствуют любой возможности настоящего экспериментирования, а также мешают и любому производству желания и любому формированию высказываний. Интерпретировать и субъективировать — вот две болезни современного мира, которые психоанализ не изобрел, но для которых нашел технику абсолютно адекватной поддержки и распространения. Весь код психоанализа, частичные влечения, Эдип, кастрация и т. д. — всё сделано для этого.

Наконец, четвертый тезис, который мы изложим еще короче, касается власти в психоанализе. Ибо психоанализ влечет за собой очень специфическое соотношение сил, как это превосходно показывала недавняя книга Робера Кастеля «Психоанализм»⁶. Отвечать, как это делает множество психоаналитиков, что источником власти в психоанализе является трансфер, неминуемо комично, так же, как полагать, что источник банковской власти коренится деньгах (одно, кстати, связано с другим, если учесть отношения между трансфером и деньгами). Всякий психоанализ построен на либерально-буржуазной форме контракта; даже *молчание* психоаналитика представляет собой максимум интерпретации, проходящей через контракт, где этот последний и достигает апогея. Но внутри внешнего контракта между психоаналитиком и пациентом разворачивается в тайне и еще более глубокой тишине контракт совсем другой природы: тот, что будет *обменивать* поток либидо пациента, разменивать его на сны, фантазмы, слова и т. д. Именно на пересечении либидинального потока, неразложимого и мутирующего, с потоком сегментируемым, который выменивается на место первого, и устанавливается власть психоаналитика; и как и всякая власть, она стремится сделать импотентным производство желания и образование высказываний, короче говоря, нейтрализовать либидо.

⁶ *Castel R. Le psychanalisme [L'ordre psychanalytique et le pouvoir]. — F. Maspéro, 1973. — Прим перев.*

Мы хотели бы закончить на последнем замечании: почему мы не желаем участвовать ни в каких акциях фрейд-марксистского типа. По двум причинам. Первая состоит в том, что обычно фрейд-марксистский демарш действует через возврат к корням, другими словами, к священным текстам Фрейда и Маркса. Наша же исходная точка совсем другая: обращаться не к более или менее интерпретированным священным текстам, но к ситуации как она есть: к ситуации бюрократического аппарата в психоанализе, в компартии, к попыткам подорвать эти аппараты. Марксизм и психоанализ двумя разными способами, но это неважно, говорят от имени чего-то вроде *памяти*, культуры памяти, и выступают также двумя различными способами, что опять-таки неважно, в перспективе необходимости *развития*. Мы же полагаем, напротив, что нужно говорить от имени положительной силы забвения, от имени того, что для каждого из нас является нашим собственным недо-развитием; то, что Дэвид Купер⁷ так хорошо называет интимным «третьим миром» каждого из нас и который составляет единое целое с экспериментированием. Вторая причина, отделяющая нас от всякой фрейд-марксистской акции, заключается в том, что любая из них предлагает примирить две экономии: политическую экономию и экономию либидинальную. Даже у Райха находим поддержку этой двойственности и такого сочетания. С нашей точки зрения, напротив, существует одна-единственная экономия, а проблема настоящего антипсихоаналитического анализа состоит в том, чтобы показать, как бессознательное желание сексуально нагружает формы всей этой экономии в целом.

Перевод Татьяны Зарубинной

⁷ Давид Купер (1931–1986), британский теоретик и лидер антипсихиатрии. — *Прим перев.*